

**Сыромятников Сергей Николаевич**

# **Опыты русской мысли**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 101  
ББК 87  
С32

С32      **Сергей Николаевич С.**  
Опыты русской мысли / Сыромятников Сергей Николаевич – М.: Книга по Требованию,  
2023. – 323 с.

**ISBN 978-5-519-76081-2**

**ISBN 978-5-519-76081-2**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2023  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



«РУССКОМУ СОБРАНИЮ»

ОПЫТЫ ЭТИ

СЪ НАДЕЖДОЮ ПРИНОСИТЬ

*АВТОРЪ*



*Не дорою цѣню я громкія права,  
Отъ коихъ не одна кружится голова.  
Я не ропщу о томъ, что отказали боги  
Мнѣ въ сладкой участи оспаривать налоги,  
Или мѣшать царямъ другъ съ другомъ воевать;  
И мало горю мнѣ,—свободно-ли печать  
Морочитъ олуховъ, иль чуткая цензура  
Въ журнальныхъ замыслахъ стѣсняетъ балагура.  
Все это, видите-ль, слова, слова, слова!  
Иныя, лучшія мнѣ дороги права;  
Иная, лучшая потребна мнѣ свобода...*

*Пушкинъ.*



Эти «Опыты Русской Мысли», задуманные на Персидскомъ заливѣ, были навѣяны мнѣ русскими переселенцами Приморской области.

Западныя державы захватили Америку, Австралію, Африку. Намъ русскимъ остался одинъ изъ плохихъ кусковъ Европы и небольшая обитаемая полоса сѣверной Азіи, ибо если вычестъ хребты, тайги и тундры, то изъ огромной территоріи Сибири останется не Богъ вѣсть сколько. На нашу длинную, но узкую заимку въ Азіи мы должны смотрѣть какъ хорошій мужикъ смотритъ на собственную, не мірскую землю. Здѣсь, въ Европѣ, полунѣмецкій полицейскій строй, тамъ экономическія и общественныя новообразованія; здѣсь остатки рабства, тамъ свободный, сильный, жестокій человѣкъ, напоминающій типомъ ушкуйную новгородскую Русь, не то купцовъ, не то разбойниковъ; здѣсь царство покорныхъ историческимъ традиціямъ, тамъ внуки и дѣти

непокорныхъ, злая, а часто и добрая воля которыхъ не могла согнуться такъ, какъ того требуетъ государственный и общественный укладъ. Востокъ поэтому не только наша колонія: онъ — зародышъ новой Россіи, по типу болѣе близкій къ Америкѣ, чѣмъ къ Европѣ и Азіи, а современная Америка по своему государственному и общественному строю весьма близка къ удѣльной Руси, какъ ни странно на первый взглядъ покажется такое сравненіе.

Въ половинѣ октября 1897 г. я поѣхалъ изъ Черниговки въ Меркушовку, смотрѣть переселенческую деревню, которая осѣла въ іюлѣ того же года, которой, другими словами, было три мѣсяца отъ рожденія. Черниговка же — большое село въ 185 верстахъ къ сѣверу отъ Владивостока, или столько же верстъ къ сѣверу отъ Флоренціи.

Былъ морозный день, безъ снѣгу, и я ѣхалъ на телѣгѣ съ волостнымъ старшиною, который все время занималъ меня разговорами. Онъ былъ мужикъ умный, полухохоль, и зналъ, что сказать пріѣзжему человѣку, который близокъ съ петербургскимъ переселеннымъ ревизоромъ и остановился у пристава. Но меня интересовало не количество смертей

и браковъ у переселенцевъ, не число десятинъ, не попечительность начальниковъ, имена которыхъ увѣковѣчены въ названіяхъ окрестныхъ селъ и деревень,—меня интересовала душа этихъ людей, которые прошли 10,000 верстъ отъ Чернигова, чтобы гдѣ-то на Янчихъ, впадающей въ озеро Ханку, среди тайги и сопокъ, построить свою «Чернигоуку»—безконечное село бѣлыхъ мазанокъ, съ церковью, школой, фельдшеромъ, который меня лечилъ и прописывалъ мнѣ лекарство по-латыни, и этимъ мудрымъ старшиной, который говорилъ мнѣ, что только три года они плакали по Россіи и только 9 лѣтъ ее вспоминали, а что теперь имъ такъ хорошо и привольно, что они объ ней и не думаютъ.

То, что онъ говорилъ мнѣ о переселеніи, дышало дикимъ, увлекательнымъ эпосомъ. Они шли сухопутьемъ, черезъ Сибирь. Сибиряки ихъ останавливали, обезкураживали. «Куда вы идете, мѣста тамъ гиблыя, гнусь, пауть, бабамъ придется шить штаны, тигра, тайга... Всѣ погибнете». Они все шли. Приходятъ къ рѣкѣ, гдѣ теперь село Халкедонъ, и не могутъ перейти рѣку. Тринадцать мѣсяцевъ строили мостъ. Въ Халкедонѣ жилъ благочестивый старецъ - раскольникъ. Онъ

далъ имъ по парѣ животныхъ, одному барана и ярку, другому — свинью и борова, третьему — пѣтуха и курочку. Онъ поучалъ ихъ, какъ надо жить въ этихъ мѣстахъ, гдѣ и солнце по-другому свѣтитъ и луна не съ той стороны восходитъ, гдѣ нѣтъ ни церквей, ни поповъ, некому окрестить, обвѣнчать... Потомъ старецъ ушелъ въ горы, потому что сдѣлалось шумно, а они поселились въ Халкедонѣ. Но тамъ было неудобно, и они перебрались ближе къ озеру, подъ сопку, которая выступала вдали широкимъ туловищемъ, покрытымъ изжелта-сѣрымъ дубомъ, порыжѣвшимъ, но еще не скинувшимъ свою сухую листву.

Я представлялъ себѣ, какъ они пришли въ эту дикую мѣстность. Сопки хмуро синѣютъ осенью среди желтой сухой травы, высокой, въ ростъ человѣка, которая волнуется, какъ желтое море. Въ рыжихъ дубовыхъ лѣсахъ крадется тигръ, поддѣлавшій свою рубашку подъ цвѣтъ сухого листа. Въ мочежинахъ встала тайга, страшный, точно испуганный лѣсъ, точно войско духовъ, разбитое и застывшее въ ужасѣ. Вотъ сломанная ель, вотъ полуоголенная огромная кедра съ вѣрообразной вершиной, вотъ огромный дубъ—все

это тянется къ небу, все это протягиваетъ къ солнцу корявыя, мозолистыя лапы, и все это борется съ неистовыми бурями, страшными отзвуками тайфуновъ Охотскаго и Японскаго морей.

Они рубили тайгу, косили, притаптывали, выжигали траву, раздѣвали кормилицу-землю изъ ея шаршаваго, толстаго тулупа. Это была чудная борьба, о которой у насъ здѣсь давно пропала самая память, но о которой рассказываютъ своимъ строгимъ языкомъ новгородскія купчія XIII вѣка, когда строили села на сыромъ коренѣ, когда то было мое, куда мой плугъ и топоръ ходилъ. Помню, въ Копенгагенѣ, изучая древне-скандинавскій языкъ, я читалъ «Landnabok», книгу о заимкѣ земли въ Исландіи норвежскими переселенцами тысячу лѣтъ назадъ, въ которой простымъ, но величавымъ языкомъ рассказывалось о первыхъ заимщикахъ, объ уложеніи, которое они создали, о главномъ вѣчѣ, на которомъ они тягались и рядили дѣла, о первыхъ христіанахъ, о договорахъ вѣча съ епископомъ. У нашихъ приморскихъ Черниговокъ и Меркушовокъ нѣтъ своего Ара-бытописца, который былъ у исландцевъ; можетъ быть, таинственный раскольникъ изъ

Халкедона записалъ нѣсколько строкъ ихъ первоначальной исторіи на кускѣ березовой коры или на переплетѣ псалтири. Но душевное состояніе было такое же и у тѣхъ, и у этихъ переселенцевъ. Была строгость, серьезность, сознаніе важности положенія, стремленіе побѣдить въ борьбѣ съ дикою природою, которая безпощадна къ человѣку.

Прошло десять лѣтъ... Землю попритоптали, улетѣли тѣ испаренія, отъ которыхъ обмирали первые косцы среди высокой травы. Скотъ вытопталъ личинки комаровъ и мошекъ, осенніе «палы» пожгли всякую буйную травяную нечисть и грудь земли стала обнажаться подъ плугомъ. Бабы, не тревожимыя больше комарами, сняли штаны и превратились опять въ степенныхъ бабъ. Пріѣхалъ попъ и благословилъ браки, крестилъ ребятъ, отпѣлъ покойниковъ, лежавшихъ за часовней. Началась сытая, привольная жизнь, безъ солдатчины, безъ налоговъ, съ надѣломъ до ста десятинъ цѣлины на семью, съ лѣсами, охотами и рыбными ловлями, какъ въ старину жили помѣщики. Манза (китаецъ) открылъ въ селѣ лавочку, кауль (кореецъ) пришелъ искать заработка. Явился ремесленникъ японецъ. Дѣти стали